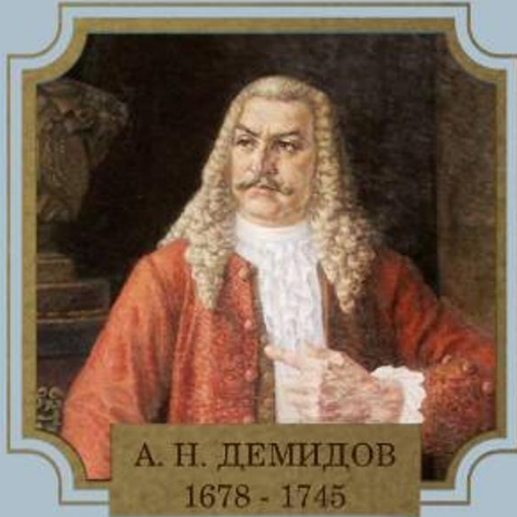
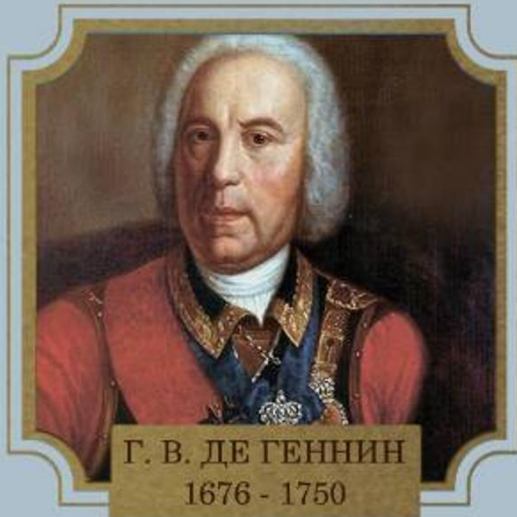
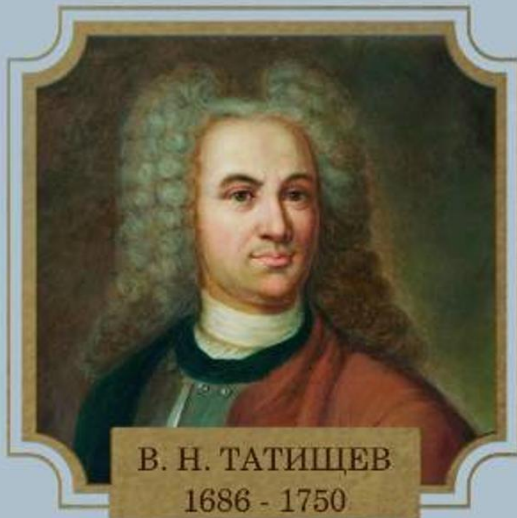
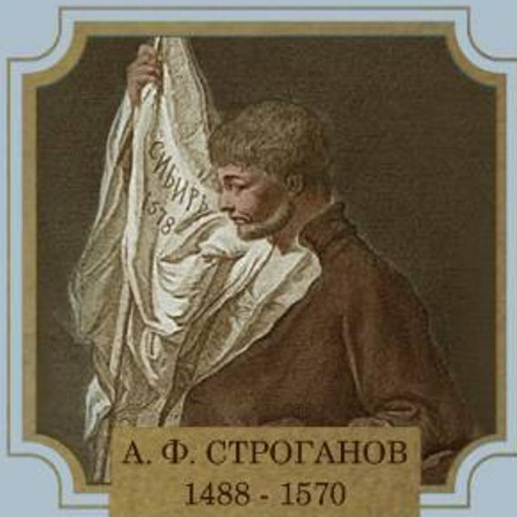

Александр Смольников

Тропами святого Урала

Александр Смольников
Тропами святого Урала. III

«Автор»

2026

Смольников А. В.

Тропами святого Урала. III / А. В. Смольников — «Автор», 2026

В Книге «Тропами святого Урала» (часть 3) рассказывается об эпохе преобразований Петра I по развитию горнозаводской промышленности на Урале в первой четверти 18 века. Встречаемся на страницах книги опять с Татищевым, уже как организатором горного дела на Урале, ставшим в последствии первым историком России и Урала. Также показана роль Георга Вильгельма де Геннина, как проводника идей Петра I, одного из основателей горного дела на Урале, в России, инженере от бога, посветившего служению России 53 года. Видим дальнейшее развитие истории жизни богатейших русских предпринимателей (заводчиков и землевладельцев) Демидовых на Урале, при этом показана немалая заслуга в создании промышленной державы Демидовых, старшего сына Никиты Демидова – Акинфия. Основные персонажи повествования реальные, все события максимально приближены к процессам того периода времени в России и на Урале.

© Смольников А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть – 3. В.Н. Татищев. Вильгельм де генин. акинфий демидов.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Смольников

Тропами святого Урала. III

Часть – 3. В.Н. Татищев. Вильгельм де генин. акинфий демидов.

*Посвящаю своим родителям,
Владимиру Александровичу
и Инне Никоновне Смольниковы.*

В 1718-1720 годах в России велась активная работа по организации деятельности центральных органов, созданию коллегий и выработке их статуса. В конце второй части мы видели с вами, дорогой читатель, что к этой работе был привлечен и генерал-фельдцейхмейстер Яков Вилимович Брюс, который и был назначен во главе, учреждённой 12 декабря 1718 года Берг-коллегии. Предстояло отобрать всё «подходящее» для России из опыта Швеции, Дании и других европейских стран. Особое внимание уделялось государственной организации управления промышленностью. Предполагалось коренным образом пересмотреть отношение к этой отрасли хозяйства. О положении на местах в то время сведения было получить практически невозможно. Поэтому в разные стороны рассылаются специальные уполномоченные.

Брюсу не дают желаемого числа «гвардейских офицеров» для организации этой работы, да и далеко не каждый гвардейский офицер мог принести реальную пользу в таком ответственном деле, как организация горной промышленности. И он просит Петра I использовать Василия Никитича Татищева помощником Иоганну Бliersу, который провел на Урале к тому времени почти два десятилетия. За плечами Бliersа был огромный опыт разыскания руд и отчасти создания заводов по их переработке. Татищев этими делами пока не занимался. Поэтому первоначально и предполагалось направить Татищева как бы в помощь Бliersу, в качестве своеобразного заместителя по хозяйственной части: Татищев должен был вести бухгалтерию, нанимать работников, помогать Бliersу. Кроме того, Татищеву поручалось на месте разобраться в чрезвычайно запутанных делах и конфликтах между местной администрацией, управляющими местных частных заводов и специалистами, представляющими государственную казну.

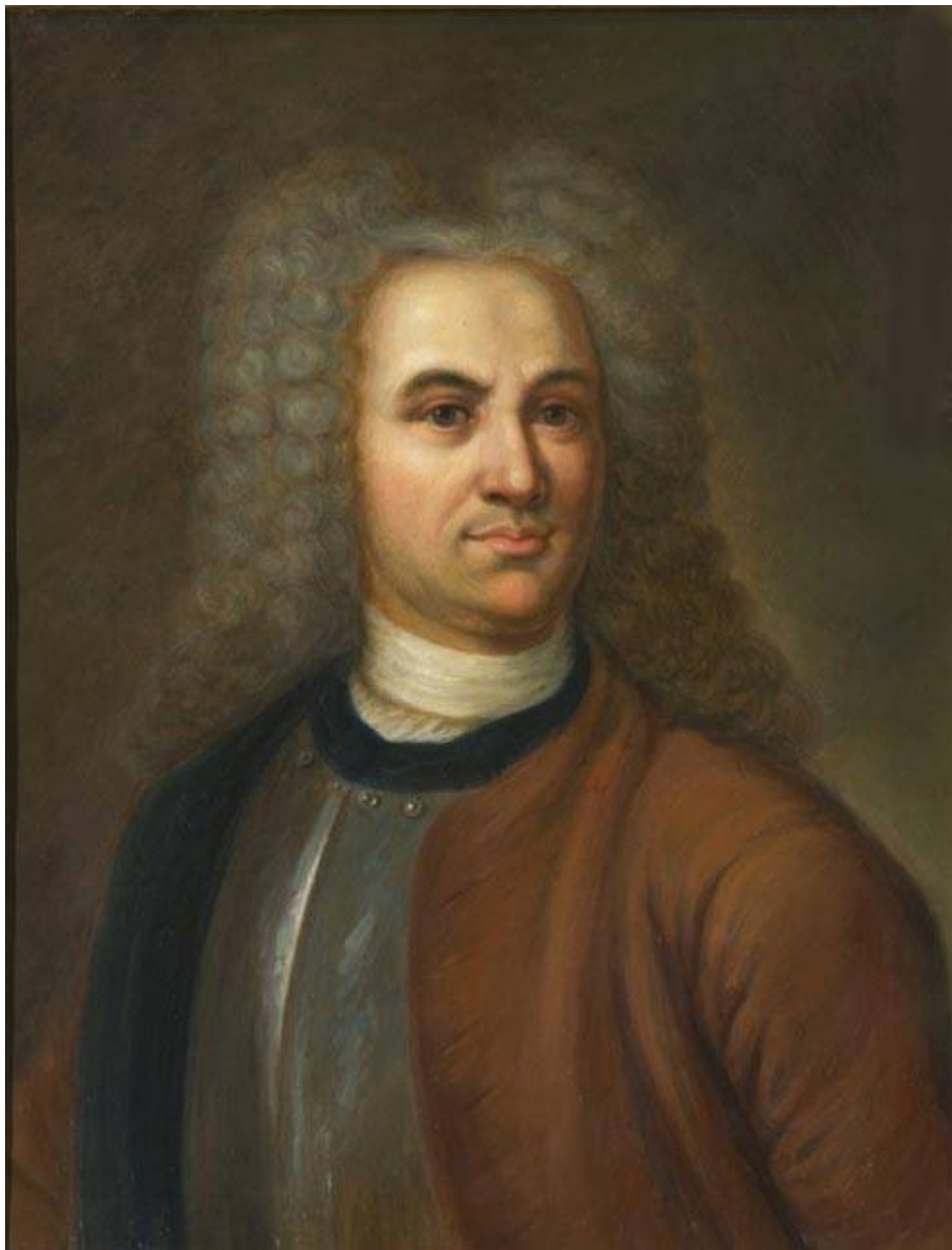
Глава 1.

Путь на Урал.

.1.

Указы Берг-коллегии.

Татищев стоял на центральной площади Петербурга и смотрел на крепость, которая возвышалась в аккурат напротив него своим парадным входом. Март не лучшее время в городе. Дул с моря холодный пронизывающий ветер, периодически срывались совсем малюсенькие капельки дождя, но от этого не становилось лучше или приятней, всё также, как и при большом дожде паршиво. Он придерживал правой рукой треуголку на голове, заодно прижимая к ней пышный парик, а левой заправлял отворот плаща военной формы в области шеи, пытаясь сохранить внутри под одеждой, постепенно улетающее тепло.

Портрет В. Н. Татищева (неизвестный художник).

Это изображение находится в общественном достоянии, так как его авторское право истекло.

Неподалёку от него замерла и потемнела от дождя деревянная церковь Святой Троицы. Татищев потёр виски: «Ах, да! Трезини, Доминико. Трезини и спроектировал её!», – конечно он помнил, что она поставлена Петром I в память о походе на Выборг. Об одном не догады-

вался ещё Татищев, что пройдёт год с небольшим и именно в этом соборе Пётр I примет титул императора России!

Возле Троицкой площади в Гостином дворе, выстроенном в форме прямоугольника, обычно бойко велась торговля, а на площади происходили торжественные церемонии, праздники, маскарады, бывало здесь казнили важнейших преступников. Тут же рядом в казематах крепости, купцы хранили свои товары. Сегодня из-за погоды торговли не было, одинокие прохожие суетливо проходили в отдалении, пытаясь быстрее заскочить куда-нибудь под крышу.

Татищев перевёл взгляд на располагавшийся на площади Оружейный двор и, стоявшую недалеко, первую в Петербурге типографию.

– Да, город растёт, строятся новые дома, близкие сподвижники Государя, как с цепи сорвавшись, стремятся построить свои жилища именно в этой части, – подумал он.

Взгляд его вдруг остановился, сосредоточившись на чём-то, в глазах пробежала весёлая мысль: «А вот это как раз кстати, как он не подумал, что возле церкви находится первый в городе питейный дом! Продрог ведь до косточки, Василий?» – задал вопрос сам себе. Василий Никитич, наклонив голову от ветра, бодро зашагал в сторону заинтересовавшего его здания.

Подойдя, мельком прочитал: «Царская торжественная Аустерия». В прихожей, расплывшись в дружеской улыбке, его встретил хозяин заведения немец Ян Фельтен. Не так давно Пётр присвоил Фельтену звание «кухмистра его величества», потому что нередко здесь обедал.

– Ваши пожелания, уважаемый, Василий Никитич? – склонил голову Фельтен.

– Продрог больно сегодня! Мне бы уединиться куда в уголок и принесут пусть любимую Государя анисовку, – Татищев снял головной убор и плащ, передавая их подбежавшему к ним юноше из прислуги заведения.

– Конечно, конечно, Василий Никитич, прошу Вас сюда, всё непременно сейчас доставим. Вот меню, выберите, что будете кушать. А пока вам чарочку с прикусом хлеба и сыру от заведения прошу!

Выпив анисовой и выбрав к обеду себе вымороженных щей с подовыми пирогами и блины со свежей икрой, Татищев отбросил все лезшие в голову мысли, сосредоточившись на главном – впереди отъезд на Урал.

«Итак Указы изданы по отправке на Урал, – размышлял про себя Татищев, – 9 марта 1720 года Берг-мануфактур-коллегия подписала Инструкцию бергмейстеру Иогану Фридриху Блиеру, тут же в ней прописываются мои обязанности по организации всех работ, обеспечении дела материалами, рабочими руками и необходимой охраной. Не густо нужно сказать!»

Василий Никитич пропустил ещё рюмочку анисовки. «Дальше, что имеем? А имеем ещё сегодняшней Указ от 12 марта в дополнение к ранее вышедшей инструкции. Вот тут читаем, что коллегия составила «Пункты капитан-поручику Татищеву, по которым надлежит ему отправлять в Сибирской губернии». Пункты, ох эти пункты, конечно они расширяют мои полномочия, оставляя на усмотрение вопрос о целесообразности разработок тех или иных месторождений и строительства заводов, местным властям, губернаторам и воеводам, предписывается оказывать мне «всякое вспоможение» в такого рода строительстве. И дальше смотрим, ага вот, в помощь выделяется «комиссар к деньгам» и в помощь комиссару подьячий с Московского денежного двора. Мне же ещё можно отобрать четырех учеников из Артиллерийской школы для обучения рудному делу. Это уже кое-что. Но где грань взаимодействия с Блиером? Непонятно!»

Василий Никитич, оторвавшись от мыслей, огляделся по сторонам. Да, всё как обычно: в гостеприимной Аустерии, как всегда расположились офицеры, иностранцы, служившие в Петербурге. Татищев посмотрел на молодого поручика с рюмкой в руке, жестикулирующего и с жаром о чём-то рассказывающего своим товарищам. На его лице промелькнула улыбка: «Совсем как мы в молодости. Вроде всё как вчера, а уже лет пятнадцать поди и пробежало, да, летит времечко! Ничего, скоро «свах» тебя тут оженит!» – подумав об этом, Татищев невольно

заулыбался, жена Фельтена была известна в городе как народная сваха, и ее стараниями многие молодые люди, посещавшие Аустирию, обзавелись семьями.

«Пора идти. Завтра пойду в Берг – коллегия опять за разъяснениями, как по поводу размежевания их обязанностей с Блиером, так и в особенности по вопросу источников обеспечения на Урале их предприятия рабочей силой и оплаты труда крестьян», – подумал и раскланявшись с хозяином заведения, Василий Никитич закашлял, видно уже успел простыть от петербургской погоды, и подняв ворот, выскользнул в мартовскую промозглую погоду.

.2.

Подготовка Татищева к первой экспедиции.

Яков Вилимович Брюс вышагивал по своему кабинету от одной стены к другой, останавливался, о чём-то всё время думал, поднимая голову, и смотря в потолок. Потом остановился возле окна, с видом на суетливую улицу, внезапно начал рассуждать в слух:

– 23 декабря (1719) мною было отправлено секретарю Петра I А. В. Макарову письмо, в котором просил напомнить монарху о том, что тот «изволил обещать пожаловать прислать в Берг-коллегию из гвардии унтер-офицеров человека три или четыре, для посылки на Кунгур ко устройству тамошних медных заводов, тако ж и в разные губернии, ради понуждения в высылке из оных потребных в Берг-коллегию ведомостей». Но уже и март пошёл, а так ответа и не пришло. Да, делать нечего, нужно посылать Татищева с Блиером на Урал, а как не хотелось бы, да, не хотелось! Другие были у меня виды, совсем другие на Василия Никитича. Но Блиер? Отпустить бы малополезного саксонца на все четыре стороны, двадцать лет провёл на Урале «надлежало отпустить, ибо такая немалая времена в проезде своем имел, а доброго не учинил», да и к тому же запросил отставку. Но нет квалифицированных специалистов в горном деле, к сожалению, нет. Так что, как говорится, хоть шерсти клок.

Надо признаться, что сказано это было вскоре после самой неуспешной поездки Блиера в Кабарду, где Блиер вынужденно издержал казённые деньги, а успеха не достиг.

В это время постучали в дверь. Секретарь доложил, что прибыли капитан-поручик Василий Никитич Татищев и берг-мейстер (горный мастер) Иоганн Фридрих Блиер, а также переводчик с ними П. Бривцин.

– Пусть зайдут! – проговорил Брюс, а в голове у него пронеслось, – Двадцать лет жить в России, а всё ходит с переводчиком, нет от саксонца толка, нет!

– Господа, прошу садиться! – он посмотрел на вошедших, потом на переводчика, – Иоганн Фридрих Блиер, вам за заслуги в горном деле и многолетнюю службу и дабы «в сыскании руд и в произведении заводов медных болшее имел радение» увеличили годовой денежный оклад с 425 рублей до 500 рублей.

Блиер заёрзал на стуле и расплылся в улыбке. Дальше Яков Вилимович подробно остановился на целях экспедиции, обязанностях и государственных задачах обоих по разведке руды и постройке заводов на далёком Урале.

– В помощь вам будут даны берг-шрейбер (горный писарь) И. Ф. Патрушев и комиссар И. Тряпицын, поедите и вы, – Брюс посмотрел на переводчика, – Вы готовы? Насколько я информирован, вы не только переводчик, но и горный специалист, плавильный мастер, так что будете очень полезны экспедиции!

– Да, ваше высокопревосходительство, готов! – вскочил со стула Бривцин.

– Дальше ожидается прибытие с Олонецких заводов штейгера саксонца Г. Шеинфельта с двумя учениками. И, Василий Никитич, будет тебе «комиссар Сибирской губернии к деньгам» Иван Тряпицын и в Москве взять помощником к комиссару с монетного двора подьячего, а «для научения <...> рудному делу» из Артиллерийской школы четырех учеников и отправятся

с вами два рудных доносителя – П. Сталов и Л. Зуев и пять человек «из артиллерийских служителей и конониров, которые постарее».

– Очень хорошо, Яков Вилимович!

– Разрешите Вам задать ещё один вопрос по существу?

– Конечно, капитан-поручик, задавайте.

– «Ежели из обретающихся в той губернии шведских офицеров и других пленников найдутся к рудокопию способные и похотят в службу, принимает ли и прежде подлинного о том от коллегии решения, где нужда позовет, употребляют ли и с каким порядком и награждением?»

Брюс посмотрел на Татищева и подумал: «Молодец, молодец, никогда в тебе не сомневался капитан! Вон как сходу задался вопросом о поиске квалифицированных кадров для экспедиции среди пленных шведов, ответственный офицер, широко мыслит! Поиск руд и выплавка металлов – дело весьма сложное, а с тем набором специалистов, которые мы даём в подчинение ему, надо признаться, и почти невозможное. Остается только удивляться, почему столь простое решение – найти знающих горное дело пленных каролинов (так в Швеции называли всех вояк из армии Карла XII) – было предложено только сейчас Татищевым?»

– Василий Никитич, вопрос ставишь правильно, после совещания пройдёшь по коллегии, поговоришь, задачи я уже поставил оказать вам помощь по подготовке экспедиции. Так что давайте, работайте, готовьтесь!

В Берг-Мануфактур-коллегии Татищева внимательно выслушали, посоветовав использовать старых местных умельцев, а также нанимать из вольных (мастеровых), из дворцовых и монастырских крестьян. В соответствии с пожеланиями Татищева, разрешили использовать шведских военнопленных. Коллегия тут же предписала сообщать о ходе найма, а также о населённости местностей в районе заводов. Не забыл Татищев испросить и «ротного цирюльника», а также «лекаря» и лекарств. В последнем нуждался, и он сам в первую очередь. При всей работоспособности Татищев не отличался, что мы с вами выше видели, здоровьем, и болезни сразу давали себя знать, как только он выходил из определившегося рабочего ритма.

Просьба о выделении лекаря была переадресована в Москву к придворному медику Лаврентию Блюментросту. Тот лекарства отпустил, но лекаря дать не пожелал, ссылаясь на то, что «они все обретаются в военном ведомстве, и все... на местах».

3.

Остановка в Москве. Продолжение подготовки экспедиции.

Отправляясь из Петербурга на Урал, экспедиция остановилась в Москве, где находилась с 4 апреля по 25 мая 1720 года. Хоть Москва и не являлась официальной столицей государства, она не теряла статус «первопрестольной», оставаясь истинным олицетворением России. Как говорил Казанова: «Те, кто не видал Москвы, России не видал».

В. Н. Татищев ответственно подошел к новому назначению, в том числе и в вопросах делопроизводства, и уже через два дня по прибытию в Москву 6 апреля отправляет письмо Брюсу, которое отмечено в «Книге записной письмам и доношениям», которая велась с 6 апреля по 31 декабря 1720 года и где фиксировались исходящие документы экспедиции за подписью В. Н. Татищева. Самыми первыми были записаны два письма от 6 и 14 апреля, адресованных Я. В. Брюсу. В них В. Н. Татищев сообщал о своем прибытии в Москву и о первых мерах в подготовке поездки на Урал. Что примечательно: первое из этих писем Брюс передал в коллегию, а второе по какой-то причине удержал у себя, хотя в обоих письмах речь шла исключительно об экспедиционных делах. Не менее интересно и то, что Татищев, как свидетельствуют сохранившиеся оригиналы писем, продолжил писать Брюсу, однако после этих двух документов татищевские письма 1720-1721 годов, перестали фиксироваться в официальной документации экспедиции. Получалось, что В. Н. Татищев для себя вывел переписку с Брюсом

из нормализованного документооборота. В то же время Я. В. Брюс в ряде случаев считал возможным пересылать такие письма в Берг-Мануфактур-коллегию с последующей их фиксацией в делопроизводстве последней.

Солнце уже по-теплому начинало светить и греть москвичей, а поэтому погода способствовала решению всех многочисленных вопросов, необходимых к решению до отправки на Урал экспедиции Блиера и Татищева. А вопросов было множество!

– Иоганн Фридрихович, давайте берите на себя денежный вопрос, получайте на экспедицию выделенные деньги (расходовать которые предусматривалось "за рукой" Татищева), а я займусь И. Тряпициным. Ещё никуда не поехали, а он уже под следствием! Потом в Артиллерийскую школу на беседу с артиллеристами, которых выделили нам в экспедицию. Да, пушкаррей забрать нужно!

– Хорошо, Василий Никитич, – Блиер при помощи жестов, каких-то слов на смешанном непонятном с русскими словами немецком языке, пытался объяснить, что он всё знает и приступает к выполнению плана подготовки экспедиции.

Татищеву, при всей его настойчивости в просьбах о посещении Ивана Тряпицина и настоятельных просьбах к его освобождению, твёрдо отказали.

– Ни в коем случае, капитан-поручик, не имеем права! – и никакие хождения Татищева, его просьбы и попытки к его освобождению ни к чему не привели.

Мало того, его с Блиером вдвоём огорошивают известием, что не прибыл в Москву и штейгер Г. Шеинфельт, который изволил умереть дорогой. Тучи сгущались над экспедицией, всё выбивая из её рядов новых и новых участников, никуда ещё не отправившейся экспедицией.

В артиллерийской школе Василий Никитич всё время пребывания, посвятил изучению организации учебного процесса, программ обучения, сравнивал то, что он видел, учась сам за границей, в придачу выпросил ряд документов по учебному процессу. «Руда рудой, но готовить специалистов, поднимать грамотность населения – никогда не мешает!» – постоянно у него вертелось в голове. Посмотрев личные дела в канцелярии школы, предлагаемых ему в экспедицию учеников – артиллеристов, он отбыл из школы, забрав их с собой.

По дороге brave артиллеристы устроили игру. Трое выстраивались и сгибаясь, держались друг за друга, а четвёртый разбегаясь прыгал, стараясь их перепрыгнуть. Если не перепрыгивал, то менялся с одним из стоящих. Задний шёл прыгать, а не справившийся вставал самым дальним от прыгающего.

– О хо-хо! Серёга, ты куда улетел!

– Афанасий, да ты задницу выше держи, что провалился, так он, понятно, вперёд улетит!

– Что, ослики, готовы удержать наездника? Хо-хо-ха-а-а! – закричал, разбегаясь, Лёша Калачев.

Встречные прохожие с опаской обходили весёлую компанию. «Да, ну, дети, ей богу дети!» – смеялся про себя Татищев, – А ну-ка, жеребцы, заканчиваем игру, всю улицу напугали. Смех один, а не важная экспедиция, пришли уже!» – повысил он голос и игра сразу прекратилась, артиллеристы подтянулись, привели себя в порядок. Придя в место расположение экспедиции, Татищев улыбаясь, обратился к Блиеру:

– Вот, Иоганн Фридрихович, наша мощь! А ну встали в шеренгу и представились по очереди!

– Афанасий Карташев! – сделал шаг вперёд, представился и шагнул обратно высокий чернявый юноша.

– Алексей Калачёв, Дмитрий Одинцов, Сергей Сабанеев, – отрапортовали по очереди остальные.

– Всё, пока располагайтесь, а мы с Иоганном Фридриховичем пойдём пообщаемся, дал команду Татищев.

Блиер формально являлся главным, но ребята как-то сразу больше стали слушать и побавиться именно капитан-поручика.

Когда старшие удалились, Лёша Калачёв промолвил: «Да, с Василием Никитичем не забалуешь, боевой офицер! Говорят, в Полтавское сражение самого Государя грудью закрыл!»

Зайдя в комнату и закрыв дверь, Татищев спросил:

– Ну, что у Вас, Иоганн Фридрихович, что-то взгляд у вас больно тревожный.

– Да думаю всё, Василий Никитич, очень мало специалистов дают нам, к тому же среди них одни рудоискатели, а где спрашиваю плавильщики, гармахеры (мастера по очистке меди), доменные и плотинные мастера? Где? Как строительство вести будем, а дай бог и построим, как эксплуатацию проводить, тут тебе и медеплавильные, так и железоделательные заводы. Не знаю, справимся ли?

– Всё правильно говоришь, Иоганн Фридрихович, но что делать, надо больше выбить попытаться здесь, а приедем на место и определяться будем. Больше никак!

– А сегодня, Никитич, всё сделал, получил денег пять тысяч на расходы, ещё решил по убытию вопросы. До Нижнего нанял струги, пойдём к нему водой, как проговаривали.

– А у меня не всё радужно, – посмотрел на Блиера Татищев, – Ивана Тряпицына упёрлись, не отпускают, а вот в школе все вопросы порешал. Ребята хоть и молодые, но грамотные, крепкие и, – засмеялся, – весёлые не в меру!

– Ещё встретил тут некоего «швецкого афицера», который показал мне «ландкарту Казанской губернии, ноипаче вся, и часть облегающих народов Перми». В связи с этим написал Якову Вилимовичу Брюсу следующее: «Мню, что довольно исправна зделана з разделением радиусов долготы и широты». Швед потребовал с меня десять рубликов за право ее скопировать. В связи с этим сообщил Брюсу: «Без повеления Вашего превосходительства таких денег дать не смею, и ежели менши возмет, то заплачу своих». Дороговизну сделки швед обосновывает тем, что на карте были «не токмо города, но и деревни многие назначены, в которых мне быть».

– Хорошо бы разрешил, Василий Никитич, нужное дело! Ещё тут вопрос добавился. Сегодня к вечеру нас пригласил тобольский губернатор Алексей Михайлович Черкасский к себе. В Москве он нынче по делам!

.4.

Москва. Алексей Михайлович Черкасский.

Интерьер кабинета Тобольского губернатора был не из бедных, по стенам всюду виднелась лепнина, на стенах висели картины известных европейских художников. Золотистые gobelens на окнах, ситцевые обои пестрели красками на стенах.

Князь Черкасский произвёл на Татищева впечатление человека тихого и спокойного, перед тем как что-то сказать, думающего прежде произнести хоть слово. Татищев сидел в кресле и смотрел на князя, к которому прислушивался сам Государь и редко имел добавления или вопросы к его докладом.

Черкасский являлся потомком двух ветвей рода крупных деятелей правления царя Алексея Михайловича – князей Я. К. Черкасского и Н. И. Одоевского, в двадцать шесть лет женившегося на двоюродной сестре царя Петра Алексеевича, за которой получил огромное приданое. Правда через три года её не стало, и в 1710 году князь Черкасский подыскал себе новую супругу. Его избранницей стала княжна Мария Юрьевна Трубецкая, дочь сенатора Ю. Ю. Трубецкого и сестра фельдмаршала Н. Ю. Трубецкого. Она была моложе князя, проживала в Петербурге и не очень печалилась отсутствием мужа при назначении его в Тобольск. Так как в прошлом 1719 году, как человек честный и неподкупный, сделавший очень многое для строительства Петербурга, и к тому же очень богатый, князь Черкасский, был назначен вместо

смещённого князя М. П. Гагарина сибирским губернатором. «А ведать ему, – сказано было в указе, – все сибирские города, а Сибирь разделить на три провинции, под начальством выбранных губернатором и утверждённых Сенатом вице-губернаторов».

– Пожалуйста чаю, господа, только доставили из-за границы, прошу отведавать. По-моему, вкус и аромат его изыскан и тонок.

Поговорив о делах, которые ждут Татищева и Блиера на Урале, Черкасский передал им медную руду «двух видов» с богатым содержанием металла (более тридцати процентов), найденную под Томском. Образцы, по его словам, были доставлены в Москву жителями Томска Степаном Костылевым и Федором Комаровым.

– Знаете, господа, чтоб вы понимали с чем столкнётесь, я вам поведаю историю этих жителей Сибири. Они добились от князя М. П. Гагарина разрешения искать руду. Но челобитную с визой Гагарина у них отобрали. Когда же Степан Костылев представил томскому коменданту Василию Козлову образцы найденных им медных и серебряных руд, тот «челобитную... бросил на земь... и хотел бить кнутом». Рудоискатели оказались бравыми ребятами, надо признаться, не смирились и направились сюда в Москву и заявили о своей находке. Можете себе представить, что ради этого, они проделали путь в три тысячи пятьсот вёрст! Кстати вы можете в Москве с ними встретиться, и они подробнее поведают вам свою историю.

Татищев после встречи с рудоискателями и душевного с ними разговора, сообщил в Берг-коллегию о истории приключившейся с этими двумя сибирскими жителями, и попросил разрешения взять их с собой. Коллегия удовлетворила просьбу капитана.

И это не одно приобретение экспедиции. В Москве к Татищеву явился пушкарь Никон Шаламов, бывший прежде рудоискателем в Кунгуре, а затем отданный в солдаты. Он также привез с собой, будучи «проводимым за казною», образцы руды. Берг-коллегия одобрила просьбу Татищева взять и его с собой на Урал.

Главное заведывание всеми заводскими приходами и расходами назначили берг-шрейбера Патрушева и поскольку тому «одному трудно справиться со счетными делами», взяли Петра Клушина с жалованьем «против молодого подьячего». Клушин оказался ценным помощником и позднее неплохо проявил себя в качестве чиновника в системе управления уральскими заводами. Сам же Патрушев был хорошим приобретением для экспедиции, имел хорошие знания и большой опыт, рудознавец, уроженец деревни Кашиной Тверской губернии, сын "трубника" при государевых палатах. В 1697 году в числе других русских учеников был послан для обучения рудному и монетному делу в Саксонию, откуда через год вернулся в Москву. В дальнейшем не раз бывал в экспедициях «для происку серебряных и медных руд», некоторое время он управлял имениями кронпринцессы Софии-Шарлотты.

На Урале Патрушев пробыл, по-видимому, до самой своей смерти; по крайней мере, де Геннин, сменивший Татищева, в одном из своих писем (в октябре 1722 года) говорит о болезни Патрушева, мешавшей последнему вести дела горного начальства. Как деятель самостоятельный, Патрушев не имел значения, но заслуживает памяти, как один из первых русских, получивших специальное образование за границей, как полезный и сведущий исполнитель в административной машине Петровской эпохи.

Надо сказать, ради справедливости, что жалование из участников экспедиции было повышено не только Блиеру, а и всем специалистам горного дела, отправившимся с Татищевым. Так, его толмачу и постоянному спутнику Яну Павлу Бривцыну положили – шестьдесят рублей, бергшрейберу И. К. Патрушеву – сто рублей. Рудоискателям ("доносителям") П. Сталову и Зуеву увеличили жалованье с шести до двенадцати рублей в год, «школьным ученикам» же положили в полтора раза больше. Сам Татищев прибавки не получил. Ему по-прежнему полагалось сто восемьдесят рублей, соответствующих жалованью по чину. Помимо того, ему выделяли "рационы" на двух денщиков (по семь рублей девяносто шесть копеек в год). Выдавались

также "прогоны", проездные на дорогу от Петербурга до Москвы, из расчета по два рубля пятнадцать копеек за одноконную подводу (717 верст конной дороги).

Следующее письмо В. Н. Татищев направил Брюсу из Москвы 26 апреля 1720 года. В его начале было помещено такое обращение: «Я, надеясь на высокую вашу к себе милость, взял из дому вашего книгу французскую для обучения языка, и, хотя в других нужду имел, но не смел дерзнуть бес повеления вашего. Ежели же и оною изволите потребовать, повелите ко мне отписать, дабы немедля возвратить мог». После этого Татищев переключался на коллежские дела и сообщал Брюсу следующее: «Данила Воронов сказывал мне, что он имеет книг на немецком, латинском, французском, италийском языках до 130 о разных искусствах, а особливо о взыскании минералей и горных искусств, но оныя запечатаны у него за доимку из надворного суда». В связи с этим Татищев писал, что он провел переговоры с судьями, которые ему рекомендовали «подать доношение, что те книги к рудным делам потребны», чтобы их передали «за доимочные деньги» в коллегию. Дело в том, что Д. Воронов был должен еще Приказу рудных дел немалую сумму – 1900 рублей, в связи с чем его имущество было арестовано, а к 1720 году право требования этого долга перешло к Берг-Мануфактур-коллегии. В. Н. Татищев, узнав о возможности пополнить коллежскую библиотеку, решил обратиться по этому вопросу к Я. В. Брюсу: «Я того без указа вашего сделать не смею. И ежели Вы изволите о том ко мне отписать, я надеюсь, что еще указ ваш меня здесь застанет». Это обращение возымело эффект: Я. В. Брюс направил письмо в коллегию, которая 27 мая 1720 года «приказала послать в надворный суд указ о немедленной высылке всех запечатанных книг Воронова в столицу».

Подготовка экспедиции в Москве подходила к концу, подходила пора продолжить путь на Урал.

.5.

От Москвы через Нижний Новгород.

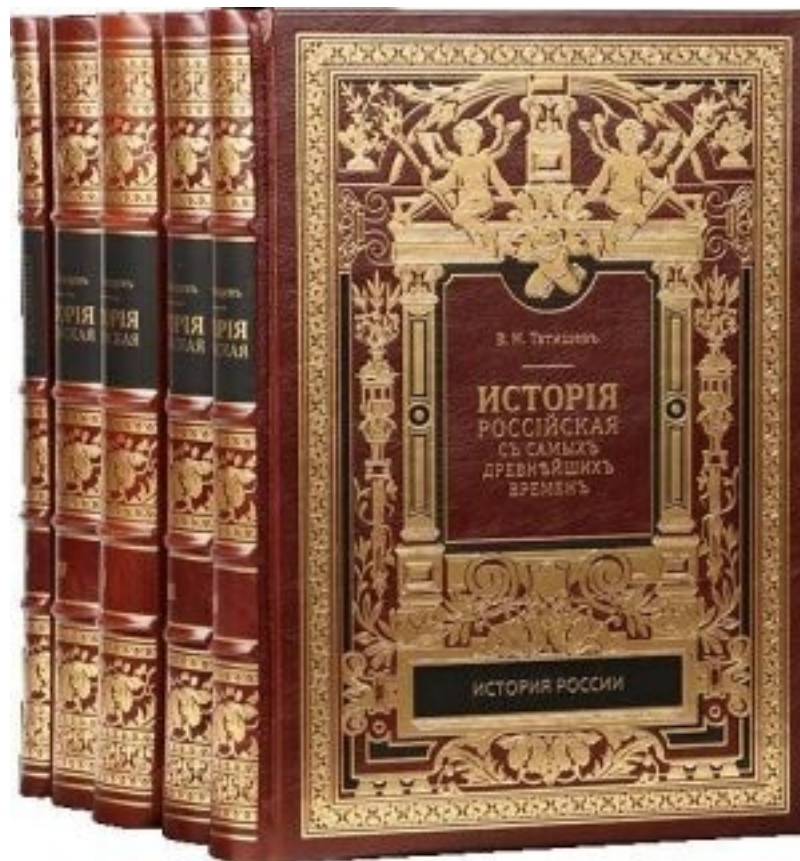
26 мая экспедиция на стругах выдвинулась из Москвы в сопровождении охраны. Пошли самосплавом, что предполагало движение по реке только днем. Обычно путь от Москвы до Нижнего Новгорода по Москве-реке и Оке, составляющий около тысячи вёрст, занимал около одиннадцати дней. Красота по пути следования экспедиции среди лесов и зеленеющих пойм была невероятная. Татищев всё время посвящал работе, изучению многочисленных материалов, которые взял с собой в экспедицию по рудо добыче, металлургии. Порой с усердием налегал на обучение спутников и часто экзаменовал их по различным предметам, требуя «резонных ответов» на вопросы.

– Ну, что высокообразованные «мужи», – Василий Никитич посмотрел на членов экспедиции, – вот вы многое изучали в школе, многое познали. Смотрите, перед нами впереди показался Нижний Новгород, какие события произошли в жизни города, возьмём за последние двадцати лет, какой статус у города? Вот что скажешь Калачёв?

– Так в городе формировалось народное ополчение, возглавил нижегородские войска уважаемый народом князь Дмитрий Пожарский, – начал было отвечать недавний ученик Артиллерийской школы, когда вокруг раздался дружный смех.

– Ну, Алексей, это ж, когда было, кто хочет поправить? – посмотрел на присутствующих Татищев.

обязанности.

“История Российская” В.Н. Татищев.

Вокруг взметнулось несколько рук желающих дать ответ.

– Давай Афанасий! – посмотрел на парня Василий Никитич.

– В декабре 1708 года Петр I подписал указ об учреждении губерний. Нижний Новгород стал центром Нижегородской провинции Казанской губернии. По указу от 1714 года, число запомнил только, Василий Никитич, Нижегородская провинция стала самостоятельной губернией. «Великий государь Царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержец указал: Нижегородской губернии быть особо... Губернатору быть Андрею Петрову сыну Измайлову...». Однако через три года вновь была отдана в управление казанского губернатора, – протараторил, чеканя слова Карташов.

– Достаточно! Каков статус города сегодня? Отвечаем Одинцов.

– В прошлом году самостоятельность Нижегородской губернии была восстановлена. В состав губернии, кроме Нижнего Новгорода, вошли города Алатырь, Арзамас, Балахна, Васильсурск, Гороховец, Курмыш, Юрьевец, Ядрин.

– Верно, Дмитрий, не зря учился, молодец!

Так что путешествие было не бесполезным, скучать, как мы уже говорили, Татищев не давал никому. Василий Никитич был очень пунктуальным человеком и требовал этого от всех. Особые инструктажи он проводил с Патрушевым, которому, как мы знаем, было доверено ведение денежных средств. Поэтому в ходе плавания они часто уединялись, где Татищев буквально по буквам заставлял того учить свои

Он предписал Патрушеву завести приходные и расходные книги по учёту денег, их хранению, как и саму денежную казну держать в сундуках «за замком и за печатью своею» под охраной крепкого караула. Патрушеву разрешалось выдавать деньги лишь по указам самого Татищева, в его отсутствие – по указам бергмейстера Блиера, «записывая в учиненную на то

росходную книгу с росписками» от лиц, кому они выдавались, при этом следить, чтобы «чернения и скребенья в оных книгах отнюдь не было». Татищев распорядился: «без указа и без росписок денежной казны в расход отнюдь не держать». Патрушеву поручался контроль и за приходом – расходом припасов, принятых из Артиллерийской и Оружейной канцелярий, ружей и припасов, которые будут куплены по пути на Урал. Он должен был записывать их «во особливые книги» с указанием, «в котором месяце и числе что в расходе будет» и куда припасы будут выданы. О расходе припасов Патрушев должен был брать у «школьника» Калачева «еженедельные ведомости». Отсюда следует, что на Калачева возлагался текущий учет расхода припасов. Патрушеву поручалось также составление ежемесячных «двойных» ведомостей о приходе – расходе денежной казны и припасов, один экземпляр которых подлежал отсылке в Берг-коллегию, другой – начальнику заводов Татищеву. Именно Патрушев должен был приобретать новые припасы по письмам Татищева, записывать их в приходную книгу. В обязанность ему вменялось также и ведение «рабочей книги», в которую полагалось записывать сведения о нанятых работниках. «Свидетельствовать» эти книги должен был сам Татищев, в его отсутствие – бергмейстер Блиер.

В Нижний Новгород путешественники прибыли только 24 июня. Почему так затянулось путешествие, можем только строить догадки, но оставим этот вопрос открытым для любознательных. Можем только сказать, что сейчас путь на пассажирском поезде от Москвы до Нижнего Новгорода занимает до шести часов, а на современной электричке «Ласточка» и вообще в пределах четырех часов.

В Нижнем их уже ожидали несколько указов. Один из них приятно уведомлял о пожаловании Татищеву чина капитана (без челобитья и без экзаменов), в связи с чем жалованье ему увеличивалось на двадцать семь рублей в год. Что было встречено всеобщим ликованием команды экспедиции с подбрасыванием вверх всего, что попало в этот момент под руку. Другим указом ему предписывалось провести «розыск об утайке подьячими медных руд под Кунгуром и о запрещении воеводами медной плавки там же». Этот указ был вызван сообщением Голенищева-Кутузова, которого подьячие пытались обмануть, уверяя, будто «руда вынута вся». Татищеву и Блиеру предписывалось также осмотреть Уктусские медные и железные заводы и представить свои соображения о возможности улучшения их работы.

Но до Урала ещё пролегал путь не близкий. Пройдя по Оке, они только выходили на матушку Волгу. Волга, кого ты только не вдохновляла своими красотами. Пройдёт время, и великий русский поэт Некрасов целые дни будет проводить здесь на реке, помогать рыбакам, он будет бродить с ружьем по островам и часами любоваться вольными просторами великой реки. И в 1860 году родятся у него строки:

«О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда ещё всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По тёмно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке»

В один из дней пути, струги шли в мареве жары июльского поволжского лета. Василий Никитич сидел на борту лодки, свесив ноги, мечтательно смотрел вдаль, любясь окружающими просторами. Его спина отсвечивала уже приличным загаром, а надетый на голову парик, видимо, должен был защищать от солнечных лучей.

– Василий Никитич, – раздался голос Блиера, – слушай, дорогой, нужно нам пополнить запасы рыбы, вон впереди показалось какое-то поселение!

– Уж чего, чего, Иоганн Фридрихович, а этого добра здесь в избытке!

Размах рыболовства на Волге, низкие цены на рыбу буквально изумляли современников того времени и прежде всего иностранцев. Крупное рыболовецкое предприятие, каковым его можно представить по материалам конца 17 – начала 18 веков, было чрезвычайно выгодным (имело совокупный доход от одного до четырех с половиной тысяч рублей), несмотря на издержки при транспортировке рыбы.

Струги взяли направление на посёлок и причалили к большущему плоту площадью около двухсот квадратных метров. Это был дощатый настил, основанием которого оказались вбитые в речное дно сваи. Тут же стояли причалившие к плоту рыболовецкие лодки с уловом и вели выгрузку рыбы. Вокруг стоял гвалт рыбаков и рабочих людей рыбного двора.

– Выгружаем, выгружаем, да принимай же, Прохор, что ели шевелишься, настоловался, что ли на бесплатных харчах! (Кроме денежной оплаты, предприниматели должны были кормить рабочих людей за свой счет).

– Да держу, дерить тебя, Михалыч, что-ты прицепился! Кати вон бочку с рыбой, полна уже!

Экспедиция практически полным составом высыпала на берег, с удовольствием отряхиваясь и притопывая ногами по земле, ощутив после реки твёрдость стояния на земле. Дмитрий Одинцов и Сергей Сабанеев великодушно подскочили к рабочим на разгрузке и помогли перекантовать корзину с рыбой с лодки на плот.

– Благодарствую, господа, – проговорил бородатый, огромного вида мужик, легко ворочая с рыбаками и рабочими бочки, корзины, кули с уловом, – но вы бы лучше отошли. Не то ненароком пришибить может без сноровки!

Тут же на месте производилась оценка, распределение рыбы по сортам, крупная раздывалась здесь же на настиле плота.

– Иоганн Фридрихович, ты вон с Патрушевым и Клушиным давай поторгуйся с местными, да грузитесь на струги, а я пройдусь вон к тем домам, – Бривинцин, как всегда, тоже остался с Блиером, а Татищев с остальными споро зашагал к стоящим дальше строениям рыбного двора, огороженных забором, как оказалось, представлявшим более десятка внушительных сооружений: изб, амбаров, сараев, чуланов, ледников, сушил, поварешен, а в отдалении стояли конюшни.

Тут же мужики строга́ли доски, рядом стояли недоделанные лодчонки.

– Эй, плотники-работники, струги что ль делаете? – спросил, останавливаясь Татищев.

– Да куда там струги, служивый! Большие лодки и неводники хозяин приобретает в верховьях Волги, а здесь ладим только мелкие! – ответил, видимо, старший.

Пройдя от копошившихся работников, изготавливавших у реки мелкие суденышки, к строениям, наткнулись у сараев на сотни бечёвок с нанизанной вялившейся рыбой. Василий Никитич остановился, не торопясь оторвал одну рыбку, оставив голову болтаться на верёвке, понюхал. В нос ударил солёный запах вяленой рыбы. Сняв шкуру с бочка рыбы, зубами впился в высушенное на солнце мясо, сразу почувствовав на губах астраханскую соль, которую и применяли при засолке рыбы.

– Хороша-а, чертовка! Хороша! Умеют же делать...

Пожалуй, основной операцией на рыбных дворах и являлось соленье рыбы, процесс которого они тут же увидели в открытые ворота сарая.

– Как работается мужики? Заработки-то хорошие? Вон сколько рыбы, работай и работай!

– Василий Никитич посмотрел на мужика в мокрой от пота рубахе, перехваченной в талии верёвкой, с длинными русыми волосами и бечёвкой через высокий лоб.

– Да где уж там, барин, вон рыбный разделщик ничего зарабатывает, да коптильщик и проделщик разве, а так животы только подтягивать успевай! Хорошо кормёжка хоть задорма, кормимся бесплатно.

– А не подскажешь, мил человек, клей тут у вас варят?

Мужик выпрямился, поправил верёвочку на лбу, заправил волосы под неё:

– Да вон дальше пройдите, и за тем амбаром-то и увидите сарай, там и варят! – показал направление куда следует идти.

В это время Патрушев с Клушиным пытались сторговаться по рыбе со стоящим тут же промысловиком.

– Так чего ты цену ломишь, смотри сколько рыбы у тебя! – Говорю продай мне вон того осетра по двенадцать копеек, а белужку, дальше вон лежит небольшую, по семнадцати копеек! – Иван Кузьмич горячился и краснел.

– Да не могу я по двенадцать и семнадцать, бери по пятнадцать и двадцать пять! – настаивал торговец.

– Ладно, давай руку, ударим за договор, – проговорил Патрушев, протянув свою руку, и как только торговец протянул свою, быстро взял её и проговорил – Идёт тринадцать и двадцать, хорошо?

– А да ладно, идёт, замучаешься с тобой, пока сторгуешься!

Как мы уже слышали, Татищев захотел приобрести для экспедиции клей.

Среди множества работ на рыбных дворах, с частью которых мы уже столкнулись, были ещё и другие: это и изготовление жира, визиги, кавардака и особенно следует выделить приготовление клея (клей из волжских осетровых ценился очень высоко во всех районах страны).

Пузыри рыбы при этом вскрываются, промываются, растягиваются и сушатся на солнце. Когда они достаточно высыхают, наружные мышечные слои, не дающие при варке в воде клея, снимаются, а внутренний слой формуется различным образом (кружки, листы). Потом они подвергаются для беления действию пара горячей серы и только затем окончательно высушиваются на солнце.

– Василий Никитич, а на чо он вам нужен тот клей? – Алексей Калачёв почесал затылок и посмотрел на капитана.

– И действительно, Василий Никитич, наше ж дело руду сыскать, металлом заниматься на Урале придётся, – подхватил Афанасий Карташев.

– О, друзья, быть на Волге и не приобрести клей! Да куда только он не идёт: и в столярном деле, для осветления вин, медов, ликеров, пива пожалуйста, приготовление желе, галантиров, в фотографии, в кондитерских, для изготовления замазок, изготовление английского пластыря, склеивание различных стеклянных и фарфоровых вещей, в реставрации и написании картин! Как, впечатлил вас?

– Чудо какое-то, а не рыба! Что только не выдумывают, как её приспособить и клей даже, чудно прям! – все с удивлением смотрели на Татищева, чего только не знает капитан, не даром учился за границами.

В 18–19 веках иметь среди кухонных запасов пакетик с оным клеем было мечтой всякого уважающего себя повара Европы и Северной Америки, не говоря уже о простых домохозяйках. Мечтой зачастую несбыточной, ибо, как свидетельствует современник: "огромный и совершенно невообразимый спрос, одновременно, сопровождался и неизменным ростом цены... на бирже С – Петербурга, где продаётся наилучший по качеству рыбий клей, до 1778 года стоимость его не превышала тридцати шести рублей за пуд, нынче же (1793 год) поднялась до девяноста рублей".

Под "наилучшим" здесь подразумевается не американский, производимый из горбыля, не бразильский из трески, не бенгальский из некой местной рыбы burtah, и, тем паче, не британский или французский желатин, сваренный на скотобойне, но исключительно "russian isinglass", который на Руси делали из плавательных пузырей осетровых рыб. Чтобы сделать один пуд такого "наилучшего" клея надобно было вспороть брюхо у восьмьсот девятнадцати севрюжин, или четырёхсот осётров, или ста тридцати четырёх белуг!

Благодаря легкому весу и компактным размерам пластинки рыбного клея было удобно транспортировать в Москву, Петербург и дальше – в Западную Европу.

По утру экспедиция вышла на стругах на средину Волги и опять дни потянулись под жарким волжским июльским солнцем.

Всё дышало спокойствием и только в противоположную сторону шло с каким-то скрипучим стоном небольшое судно от которого тянулась бечевая тяга и спускалась дальше на берег крепкая пеньковая веревка. От конца её через каждые три сажени виднелись люди в рваньё, многие босиком, впрягшиеся в кожаные лямки, надетые чрез лохматые головы на грудь и на оба плеча.

Все сгрудились на одну сторону струга, чтоб разглядеть открывшуюся перед глазами страшную картину.

– Бурлаки! – прошептал Татищев, вот она вся Русь, как на ладони!

Впереди шёл видимо старший, самый опытный, называемый «шишкой», от его ловкости и умения зависела слаженность работы артели. Задние в бечеве замыкавшие шествие назывались косные. Крупные суда могли идти и на двух бечевых, иногда к коренной бечеве прилаживалась так называемая подсада или боковая бечева.

– Разошлись от борта, перевернёмся, – вдруг прозвучал чей-то голос...

Вечерело. На реку опустилась темнота и пахнуло свежестью. Далеко впереди по берегам реки запылали костры, на встречу попадались плоты и лодки с сигнальными огоньками, на небе блестели звезды и кроме них не было впереди ни одной светлой точки...

.6.

Казань.

Одиннадцатого июля экспедиция прибыла в Казань. Нашим путешественникам сразу бросилось в глаза, что торговля занимает одно из важных мест в развитии экономики города, а возможно и государства.

Так и оказалось. Благодаря активности купцов, казанские рынки были наполнены высококачественными товарами, из-за чего купцам не выгодно было вкладывать свои сбережения в развитие промышленности, и они развивали торговлю. Большое значение в экономике края играло возникшее в 1718 году Казанское адмиралтейство.

Вместе с тем, в ногу времени, облик Казани не мог не меняться в связи с постройкой и новых промышленных предприятий. Появляется «Пумповый» завод в 1712 году, имевший десять зданий, Казенная суконная фабрика, построенная в 1714 году, так же владела несколькими зданиями. Вначале она принадлежала государству, а затем (после 1724 года) переходила из рук в руки купцов И. Микляева, А. Дряблова и И. Осокина. Работные люди мануфактуры в массе своей состояли из крепостных приписных крестьян Казанской губернии. Около фабрики выросла Суконная слобода, где они и проживали. Появились новые и развивались старые частные предприятия. Интенсивно строились каменные церкви. Так, в 1722 году в Мокрой слободе открывается Ильинская церковь. Самой монументальной постройкой города стал Петропавловский собор, построенный купцом Михляевым в 1722-1726 годах.

Существенную роль в экономике края играл гужевой транспорт. Казань стояла на перекрестке сухопутных путей. Позднее план Татищева воплотится в строительстве дороги Казань – Пермь – Екатеринбург, т.е. участка будущего Сибирского тракта (введён в строй в 1754 год), который пересёк Камско-Вятское междуречье через территорию современной северной Удмуртии. Через город проходила дорога, соединявшая Москву, а с 1703 года и Петербург с Уралом и Сибирью (Москва – Казань – Екатеринбург – Тюмень).

Из Казани, в свою очередь, вывозились товары в Архангельск, Астрахань, Оренбург и на Ирбитскую ярмарку и, конечно, в Петербург и саму Москву. Это были воск, сало, мед, пух,

щетина, кожа, медь, мыло, хлеб, пшено, повозки, холст, обувь, сукна и др. Казань, по существу, превратилась в один из главных транзитных пунктов российско-восточной торговли, и это способствовало быстрому восстановлению его торгового значения. Татарские купцы вывозили различные товары в Нижний Новгород, Троицк, в уральские города на ярмарки. К 18 веку относится завязывание постоянных экономических связей с Китаем.

Татищев посмотрел вдаль, да вон там у Волги стояло лагерем войско Ивана Грозного при осаде Казани. Минуло уже сто шестьдесят восемь лет с тех дней. Он широко вздохнул, набрав волжский воздух в грудь, и с шумом выпустил его через ноздри. Потом, понаблюдав за рекой, представляя события тех лет, не спеша вышел из Спасских ворот Кремля и направился сквозь торговые ряды к Чёрному озеру по кривой улочке, в конце которой на откосе горы сосредоточены были деревянные лавки, парусиновые палатки с разным товаром, тут же продавали продукты.

Июльская жара давала о себе знать, поэтому он двигался не спеша, иногда останавливаясь в тени зданий, деревьев, под навесами лавочек торговцев. Внезапно встал как вкопанный, увидев на дверях лошадиную шкуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.